

Какой здесь спертый воздух, приоткрыть бы окно немного. Хотя где здесь окно? Здесь и окна-то нет. Темновато.

Какой-то зал недружелюбный, конкурсантам аплодируют вяло.

Как же унять тебя! Перестань, перестань. Нет, я точно не дойду до середины сцены, коленки подкосятся, и упаду, прям на первую скрипку упаду. И как с такими пальцами играть? А ну послушайте меня! Не тряситесь! Вдох-выдох, надо считать и дышать до десяти. Правильно. Чуть легче.

Аплодисменты. Закончил. Скоро я. Сейчас, сейчас, соберись, Лиза.

«Продолжаем прослушивание пианистов N-го международного конкурса имени Петра Ильича Чайковского. Финал. Елизавета Броскина, Россия. Рахманинов. Концерт для фортепиано с оркестром № 2».

Давай.

Какой красивый рояль. Черный и глянцевый. Белоснежные клавиши.

Надо настроиться, вдох, вы-ы-ыдох. Вдох, вы-ы-ыдох.

«Кхе-кхе».

Еще и на первом ряду... Надеюсь, он не будет кашлять весь концерт.

Я готова. Смотрю на дирижера: даю ему понять, что начинаю. Дирижер кажется чутким, говорят, тоже детдомовский.

Я кладу руки на клавиши, они мягкие, покладистые. Начинаю играть.

Первая часть, Moderato, – моя любимая. Тяжелая, но с надеждой. Какие податливые клавиши. Надежда Васильевна всегда говорила, что первые секунды соприкосновения с клавишами определяют весь концерт.

Как волнительно вступает оркестр. Я жду отмашки дирижера, что могу продолжить. А у него красивый фрак, отделан бархатом. И туфли лакированные, черные, глянцевые.

Кивок – и я вступаю. Руки бегут по клавишам, я почти не контролирую их, а только ощущаю, как моя рука сама управляет всеми молоточками, они бьют по струнам внутри инструмента. И как красиво выходит звук. Или другим не нравится? Может, это только мне нравится звук, а им нет? Ладно хоть кашлять перестали.

Я продолжаю играть, и вот я сливаюсь с роялем – мое любимое ощущение, теперь мы только вдвоем.

Впервые я услышала этот концерт вживую только на третьем курсе в консерватории. К тому моменту меня уже собирались исключить за неуспеваемость: я не могла играть, руки отказывались играть. Я то-

гда сидела в последнем ряду, под самым потолком большого зала Московской консерватории, было лето, стояла жуткая духота. Но когда со сцены полилась музыка, все пространство вокруг залила приятная прохлада, которая тогда пробрала меня до мурашек. И как играл пианист! Никогда не забуду его пальцы, казалось, живущие своей жизнью и свободно бегающие по клавишам, и как инструмент отзывался в этих руках. Это было красиво и изящно. Казалось, пианист не понимал, что он играет в зале почти на две тысячи человек. Их было только двое – он и рояль. А оркестр охранял это таинство между пианистом и его музыкой. Такая связь... у меня такой ни с кем никогда не было.

Во мне тогда что-то перевернулось, я побежала в общежитие, бросилась на кровать и заплакала. А потом достала ноты Второго концерта, пришла в класс и начала разучивать. Я учила всю ночь, не выходила из класса даже на пару минут. Выучила первую часть, но не могла достичь той плавности, что была у пианиста на концерте.

Что-то внутри само собой шелкнуло, будто мной управляли. Внутри повисла тяжесть, вина, одиночество. Я боялась оставаться одна. Наутро я села в электричку и приехала к Ней. Она открыла мне дверь и бросила ледяной взгляд:

- Чего тебе?
- Надежда Васильевна, это я.
- Уж не слепая, вижу. Чего тебе?
- Я играю, а у меня не получается.

Она продолжала смотреть на меня сквозь очки в тонкой позолоченной оправе, и на мгновение показалось, что она закроет дверь, но потом спросила:

- Чай?
- Если можно. С лимоном. Спасибо. Спасибо.
- Пианино сама найдешь? Или, небось, уже все позабыла тут?
- Помню.
- Ладно, садись, разыгрывайся, а я приду скоро.

Я прошла в квартирку – небольшую, усыпанную книгами и нотными тетрадями, с разбросанными и слегка выгоревшими на солнце исписанными нотными листами. Старый просевший диван был укрыт покрывалом в цветочек (помню, как я иногда спала на нем, когда сильно уставала после занятий), обои слегка отклеивались от стен, и виден был желтый, потрескавшийся клей на обратной стороне.

На фоне этой заброшенной обстановки яркой белой точкой блестело фортепиано, идеально покрытое глянцевым лаком. Я открыла крышку, и на меня накатил запах деревянных нежно-кремового цвета клавиш.

Руки сами опустились на них, и я начала разыгрывать. Гаммы, арпеджио, хроматическая. О, этот звук. Родной звук. Такой любимый, такой ненавистный.

- Ну что, разыгрываться не разучилась, неплохо. Чай вот.
- Спасибо.

Я сделала глоток. Да, ничего не поменялось, тот же вкус чая из пакетика с кипяченой водой из-под крана. Молчу.

- Рассказывай. Чего пришла?
- У меня не получается играть.
- Я тебя десять лет учила, и что, за пару лет в своей консерватории разучилась?
- Надежда Васильевна, я...
- Проехали. Показывай.

Я начала играть разученную в ночи часть Второго концерта. Попыталась закрыть глаза, ровно дышать, но руки слушались плохо.

- Фальшиво!
- Я продолжала играть, ускоряла темп.
- Куда так летишь, куда! Гонишь! *Moderato* же!
- Костяшки пальцев задеревенели, клавиши перестали мне отвечать.

- Руки! Опустите руки! Что за поза, что за техника, куда бежишь!
- ХВАТИТ! – Я закричала, заревела, забилась в истерику. – ХВАТИТ! ХВАТИТ! ХВАТИТ! Простите меня!

Вот черт! Рука немного соскальзывает, я смазываю такт. Дирижер, конечно, замечает, он все слышит. Зритель мог не понять. Дирижер смотрит на меня вопросительно. Я стараюсь сохранять спокойствие, взглядом даю понять, что все в порядке. Сосредоточься, Лиза. Без драмы.

Мои руки скользят по клавишам рояля, кажется, ошибка невозможна, я играла этот концерт тысячу раз, все знаю наизусть, но этот такт... Ничего, впереди еще две части, все это ничего не значит. У каждого музыканта бывают огрехи.

Какой красивый звук я издаю, неужели это правда я? Неужели это мои руки?

Музыка набирает силу, эмоции становится сложно сдерживать. По щеке скатывается слеза.

- Простите меня! Я не должна была уезжать, не прощаясь. Простите, я не хотела с вами прощаться, простите!
- Лиз, неужели я не заслужила?
- Заслужили! Больше всех заслужили! Но я не хотела прощаться, я ненавижу прощаться, ненавижу! Руки вцепились в колени так, что стало невыно-

симо больно. Но эта боль была намного лучше, чем то, что происходило внутри.

- Ты знаешь, я столько в тебя вложила. Ни в кого столько не вкладывала, верила в тебя, да и сейчас верю несмотря на то, что ты меня вот так вот покинула.
- Я не покидала вас.
- С момента ухода ты не писала и не звонила мне. И даже не сказала, что уходишь, даже не сказала, что поступила.
- Меня столько раз бросали, и мне казалось, что своим прощанием я брошу вас. А вас бросать я не хотела.
- Но ты меня бросила, ровно так, как сделала твоя мама и потом приемная семья. Ты не нашла в себе смелости прийти ко мне.
- Не нашла.
- Лиза, мне было так обидно. Ты была очень талантливой девочкой. Когда мы познакомились, ты была такой замкнутой... Но мне показалось, у тебя большая душа. Так и вышло. Вся твоя душа была в музыке, которую ты играла. Я видела эту душу, но сама ты ее открывать не стремилась. Это всегда огорчало.
- Я не знаю как. Я не умею.

Господи, как сложно это вспоминать, как тяжело. Дирижер снова кивнул. Вторая часть. *Adagio sostenuto*. Нежная, лирическая.словно поднимаюсь в облака. В детстве, когда в детдоме объявляли отбой, я представляла, будто прыгаю по пушистым облачкам. Прыг-скок. С одного облачка на другое. Немного проваливаюсь. А в семье, когда у меня появилась большая кровать, я чувствовала себя маленькой принцессой, у которой теперь есть замок с большими и толстыми стенами. А еще у меня был брат, он по-доброму ко мне относился, много играл со мной... Ощущение облаков теперь появляется только в пальцах в моменты, когда они перебирают клавиши инструмента – нежный отголосок счастливого времени, которое длилось очень недолго.

Когда меня вернули обратно в детдом, я часами сидела на кровати и смотрела в окно, мне хотелось выпрыгнуть в него, упасть в мягкое облачко и улететь далеко-далеко. И жить одной, среди облачного замка.

Кажется, я смотрела в окно непрерывно на протяжении всего лета. Ко мне приходили врачи, светили фонариком в глаза, тыкали в мои колени молотком. Кто-то говорил, что я притворяюсь, чтобы не убираться, кто-то – что я должна уехать в дру-

гое специальное место. И вот уже когда вокруг меня все засуетились, стали носиться с документами, появилась она, Надежда Васильевна.

- Оставьте ребенка в покое! У нее просто шок, расстройство.

Ее начали убеждать, что тратить время на меня бесполезно, на что Надежда Васильевна отвечала, что музыка все вылечит.

- Вылечит, вылечит. Не сомневайтесь. Даже меня, старуху, после инсульта вылечила, а ребенка подавно.

Ее глаза светились азартом и уверенностью. Она подошла ко мне, поймала мой взгляд и спросила, не хочу ли я посмотреть ее игрушки.

Я поддалась порыву внезапного любопытства и пошла за ней.

- Ну разве это игрушки! Это пианина!
- Во-первых, фортепиано. Во-вторых, это не просто игрушка. Садись.

В тот день я научилась играть гамму до мажор, кривовато, но научилась.

- Да, пальцы деревянные, но ничего, суставчики в твоём возрасте мягкие, покладистые, научим. – До сих пор помню ее улыбку и хитрый прищур, которые я тогда увидела впервые.

С тех пор каждый день я подходила к фортепиано открывать новые для себя музыкальные закономерности. Надежда Васильевна была строгим учителем – периодически слегка била по рукам («Держи руку так, словно в ней зажато маленькое яблочко!»), заставляла узнавать интервалы на слух, учить музыкальную грамоту.

Я больше не хотела прыгнуть из окна на облачко. Я хотела играть.

С каждым днем мои руки все больше соединялись с клавишами. Садясь за инструмент, я сливалась с ним в единое целое, я видела ту музыку, которую играю. Я построила свой мир, где была только я.

- Я не бросала вас. Я не хотела прощаться!
- Но ты же понимаешь, что это еще хуже? Меня словно ударила молния.
- Почему?
- Ты не оставила мне шанса обнять тебя и пожелать удачи.
- Это важно?
- Слова могут ранить очень больно. Отсутствие слов еще больнее. Все три года я ждала от тебя вестей, хотела радоваться твоим успехам и делить неудачи. Я хотела продолжать оставаться с тобой. У меня тоже никого нет, но последние годы я посвятила тебе, я поверила в тебя, в твой

талант, в твою особенность. Ты всегда была скупа на эмоции, и я понимала почему. Тебя дважды бросали, дважды ты оставалась совсем одна. Мне всегда казалось, что ты просто не хочешь открывать свои чувства, но в глубине души ты чувствуешь, я слышала это в твоей игре. И вот теперь ты бросила меня.

Я заплакала. Но не сказала ни слова.

– А теперь играй. Играй все то, что хочешь мне сейчас сказать.

Я нежно опустила руки на клавиши. Плавно взяла аккорды, моя голова легонько начала покачиваться в такт музыке. Позвоночник расслабился, я перестала сосредотачиваться на движениях рук и устремила взгляд на черно-белый ряд клавиш. На каждую из них я нажимала с любовью и теплотой, и они благодарно отзывались мне в ответ.

Надежда Васильевна села ко мне ближе, а потом шепнула на ухо:

– Спасибо, что навестила меня.

Кхе-кхе. Кто-то покашлял перед началом третьей части концерта.

И наконец, *Allegro scherzando*.

Дирижер ускоряет темп, оркестр и зал оживают, и каждая клавиша уверенно отдает импульс обратно в пальцы. Как это приятно, я бегу, бегу ритмично, красиво. Я никогда так не играла. Кажется, дирижер доволен. Я наращиваю темп, мышцы рук напрягаются, я не могу, мне больно, если их сейчас сведет, все пропало. Я задираю голову и молю о помощи.

Резко опускаю взгляд на клавиши, а потом замечаю, как чужая рука незаметно скользит поверх моей.

Надежда Васильевна сидит рядом со мной, легкая, невесомая, полупрозрачная. Пришла ко мне из другого мира, из мира своей музыки. Она гладит меня и улыбается.

Я смотрю на нее. Мне нечего сказать. Я могу только улыбаться и шептать: «Надеюсь, вы там счастливы». Она кивает, и улыбка не сходит с ее лица.

Напряжение нарастает, лирика переходит в торжество музыки, я отбиваю последний аккорд, жду пару секунд, резко вскакиваю от боли в пальцах и во всем теле, слезы текут по щекам.

Зал встает, кричит, разрывается аплодисментами.

Я пытаюсь утереть слезы, но вот дирижер соскакивает с подиума, берет меня за руку, поворачивает к залу и присоединяется к аплодисментам, отходя чуть назад.

Шум меня почти оглушает, плачу – ничего не могу поделать с собой. Это были чистые эмоции, вырвав-

шиеся из грудной клетки. Без защиты, открытая нараспашку перед целым залом.

Я перевожу взгляд на рояль, за ним все так же сидит Надежда Васильевна.

– Они меня любят?

Надежда Васильевна пожимает плечами:

– Тебе это важно?

– Мне казалось, я шла к этому.

– Возможно. Но пришла ты к другому.

– К чему?

– К кому. Ты пришла к себе.

